

Александр Верещагин

Дома и на войне

Александр Верещагин

Дома и на войне

«Public Domain»

1886

Верещагин А. В.

Дома и на войне / А. В. Верещагин — «Public Domain», 1886

«В октябре месяце 1879 года я занимал посты со своей 3-й сотней владикавказского казачьего полка (которую командовал в Турецкую кампанию), по Военно-грузинской дороге, от Владикавказа до станции Коби. Штаб сотни находился в маленькой старинной крепости Джерах, верстах в десяти от знаменитого Дарьяльского ущелья. От нечего делать, случалось, по целым часам глядел я из окон крепости на причудливые вершины гор, как они то заволакивались облаками, то опять появлялись на свет Божий. Маленькими белыми пятнышками виднелись прилепившиеся кой-где по склонам гор бедные сакли туземцев. По шоссе, мимо крепости, ежедневно проезжало множество фургонов с товарами и различных экипажей с пассажирами...»

© Верещагин А. В., 1886

© Public Domain, 1886

Содержание

Глава I	5
Глава II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Александр Верещагин

Дома и на войне

Глава I

От Петербурга до Чижишляра

В октябре месяце 1879 года я занимал посты со своей 3-й сотней владикавказского казачьего полка (которою командовал в Турецкую кампанию), по Военно-грузинской дороге, от Владикавказа до станции Коби. Штаб сотни находился в маленькой старинной крепости Джерах, верстах в десяти от знаменитого Дарьяльского ущелья. От нечего делать, случалось, по целым часам глядел я из окон крепости на причудливые вершины гор, как они то заволакивались облаками, то опять появлялись на свет Божий. Маленькими белыми пятнышками виднелись прилепившиеся кой-где по склонам гор бедные сакли туземцев. По шоссе, мимо крепости, ежедневно проезжало множество фургонов с товарами и различных экипажей с пассажирами.

Как-то раз, вечером, я поручил старшему офицеру посты, а сам поехал во Владикавказ в клуб. Там узнаю печальную новость: наши войска в Закаспийском крае потерпели сильное поражение при штурме текинской крепости Геок-Тепе. Рассказывали это приехавшие оттуда офицеры, участники штурма, причем один из них, у которого правая рука подвязана была черной косынкой, сопровождал свои рассказы такими грустными подробностями, что даже стыдно становилось за тамошних военачальников. – Говорят, будет новая экспедиция, Скобелева прочат в начальники, – добавили офицеры в конце рассказа. – Узнав все это, я немедленно написал брату Василию¹ в Париж, чтобы он просил Скобелева взять меня с собой в поход.

Вскоре получаю ответ от брата, что к Новому году он будет в Петербурге и чтобы к тому времени и я приезжал туда. Я так и сделал. В это время еще шли толки о том, кто будет начальником экспедиции. Называли многих, но больше всего верили в назначение Скобелева. Брат Василий исполнил мою просьбу. Генерал Скобелев, как только был назначен начальником, зачислил меня к себе состоящим в его распоряжении.

Конечно, три года тому назад, я ехал в турецкий поход с совершенно другим чувством. Тогда я весь горел желанием поскорее увидеть Болгарию, болгарский народ, посмотреть, как он живет, самому убедиться в его бедствиях, сразиться с турками и отомстить им за болгар. На Дунае тогда сосредоточивалась наша армия, там был Государь, туда обращены были мысли и взоры всей России. Текинская же экспедиция далеко не могла представить того интереса. Да и сама цель ее была слишком мала, чтобы можно было с таким же рвением стремиться для ее выполнения. Покорить, наказать какой-то маленький неизвестный народишко, текинское племя! Перед отъездом меня осыпали вопросами: – Где такой Текинский оазис? Не знаете ли, не можете ли вы мне показать на карте его границы? Вы вот едете в текинскую экспедицию, объясните, пожалуйста, за что мы с ними деремся? И, по правде сказать, я не мог хорошенько ответить. Попасть я желал в этот поход только ради того, что начальником экспедиции был Скобелев. Его я хорошо узнал в прошлый поход и высоко уважал как боевого генерала, а поэтому-то мне и хотелось служить с ним. Я был уверен, что Скобелев не сделает тех ошибок, какие были сделаны в предшествовавшие экспедиции, поведет дело умно, энергично и быстро завоюет край. Кроме того, я хорошо знал, что все участники похода будут получать большое жалованье, не говоря уже о служебных наградах. Я не сомневался, что получу за поход следующий чин и очередную награду. А оставаясь на Кавказе, я этого не получил бы и в десять лет. Не

¹ В. В. Верещагин, известный русский художник.

знаю почему, но только перед Турецкой кампанией я очень мало мечтал о наградах и, помню, когда получил первый орден св. Станислава 3-й степени, то мнил себя чуть не генералом. И несмотря на то, что очевидцы прошлых экспедиций рисовали нам текинский поход в самых мрачных красках, я все-таки охотно пустился в путь, заранее представляя себя скачущим на лихом туркменском коне по безграничным текинским пустыням.

30-го апреля 1880 года день был солнечный. У пристани города Петровска, на берегу Каспийского моря, столпилось много публики. Тут виден был и простой народ, и чиновники, и военный люд, и дамы с распущенными зонтиками, и дети. Все они пришли провожать генерала Скобелева, отправляющегося в Закаспийский край покорять текинцев. Самого генерала не было тут, он ушел на пароход, который, слегка шипя, понемногу выпускал чересчур накопившиеся пары. Солдаты, матросы, носильщики, казаки, осетины торопливо то сбегают, то поднимаются по сходням парохода. Офицеры, с озабоченными лицами, спешат из города с разною поклажею в руках и очень довольные, что вовремя успели, вприпрыжку спускаются с берега к пристани. Очень много виднеется здесь чиновников интендантских и контрольных. В их движениях заметна большая разница. Первые суетятся, бегают, хлопчут. Вторые, напротив, с высоты величия своих обязанностей точно и не замечают, что вокруг них творится, а тихонько прохаживаются вдоль пристани с дорожными сумочками через плечо. А инженеров-то здесь сколько! Они зачем? Железную дорогу будут строить в Текинский оазис. Строитель дороги, генерал Анненков, маленький, седенький, очень подвижный, также едет с нами. Он ушел вместе со Скобелевым и всем штабом осматривать каюты.

Каюты осмотрели. Временно командующий войсками в Закаспийском крае генерал Скобелев первый показывается из глубины парохода. Фуражка на нем белая, китель суровенький, на шее, как и всегда, висит Георгиевский крест. Лицо немного пополнело со времени Турецкого похода, рыжие бакенбарды стали гуще и длиннее. Вид у него бодрый и довольный. Выйдя на палубу, Михаил Дмитриевич подымается по крутой узенькой лесенке на широкий балкон; за ним следуют гурьбой его штабные, почти все в белых кителях. Тут и наш начальник штаба войск, полковник Гудима-Левкович, еще совсем молодой человек, высокого роста с русыми усиками и с худощавым бритым лицом. Рядом с ним подымается другой полковник Генерального штаба, Гродеков; он мал ростом, совершенно лысый, в очках. Но по манерам, походке и ухваткам заметно, что это человек бывалый. За ним идет, переваливаясь, ротмистр Эрдели, в адъютантской фуражке. Рядом с Эрдели идет капитан Баранок, единственный из окружающих офицеров, одетый не в китель, а в толстый суконный адъютантский мундир при аксельбантах. Баранок серьезен и сосредоточен. Далее идут остальные состоящие в распоряжении Скобелева: я, одетый в легонькую шерстяную серенькую черкеску; мой приятель поручик конно-гренадерского полка Ушаков, юноша лет 20-ти, очень добрый и симпатичный; генерального штаба капитан Мельницкий, поручик гвардейской артиллерии Кауфман и еще несколько других.

С парохода раздается свисток. Матросы засустились. На носу со скрипом и звоном поднимают якорь; снасти отвязывают. Пароход начинает тихонько вздрагивать; колеса то в ту, то в другую сторону слегка похлопывают крыльями по воде. Скобелев снимает фуражку и раскланивается с публикой. Мы все тоже машем платками и фуражками, знакомым и незнакомым. С берега отвечают тем же. Пароход, поворотив немного, дает ход, и, быстро застучав колесами, плавно устремляется по голубой зеркальной поверхности моря.

И вот мы едем к стороне раскаленных песков, фаланг, скорпионов, к стороне, где жители, вольные как птицы, нападают на всякого чужого, грабят и убивают его совершенно безнаказанно.

Сначала мы останавливаемся в форте Ново-Александровске, затем в городе Красноводске и только 7-го мая под вечер подъезжаем к Чикишляру. Запасшись в Петербурге отличным биноклем, я еще издали увидел берег. Но где же Чикишляр? Никак не могу его разглядеть.

Мне он представлялся городом, а оказывается, это маленькое местечко с несколькими лачужками, построенными на низменном, песчаном, совершенно голом берегу.

Только небо одно приковывает здесь взор вновь прибывшего человека. Небо здесь чудное, темно-синее, безоблачное. Оно незаметно сливается в безграничной дали с раскаленными красноватыми песками.

Мне вспомнилось теперь, с каким немым восторгом, вступив первый раз на турецкий берег, я оглядывал там каждый кустик, каждое деревцо и не мог наглядеться. А здесь что? Раскаленная пустыня, да и только! А придется еще ехать по ней, да и как далеко, да еще и сражаться! Положим, конному все легче, но каково несчастной пехоте! Каково ей шагать по этим пескам, по страшной жаре, без воды, с ранцем за спиной и с тяжелым ружьем на плече. Но к чему человек не привыкает! Не прошло и недели, как я, подобно моим товарищам, бегал по песчаному, пыльному Чикишляру, исполняя различные поручения Скобелева: проверял склады, перевешивал интендантские грузы, не обращая никакого внимания на то, что так поразило меня при моем приезде сюда: на это синее безоблачное небо, сливавшееся в беспредельной дали с раскаленными песками, и на палящее, жгучее солнце.

Трудно представить себе что-либо безотраднее Чикишляра. Солнце выжгло все кругом.

– Так вот он какой, Закаспийский край, ахал-текинская земля! Ну, здесь не Турция, думал я, забравшись в отведенную мне комнатку, рядом с полковником Гродековым, и обтирая носовым платком совершенно мокрую от пота шею и грудь. Да как же здесь люди живут, в этой жаре! Ни воды, ни растения, ни даже тени нигде и никакой!

И не скрою, первое время вид Закаспийского края меня сильно смутил; в голове мелькнуло что-то вроде раскаяния, зачем я поехал в эту проклятую сторону.

В Чикишляре мы живем уже неделю. Скобелев каждый день, с утра и до вечера, в движении: осматривает войска, госпиталя, интендантские склады. Проверяет прежние запасы, оставшиеся еще от прошлогодней кампании, а также и вновь прибывшие из России. Вскоре к Чикишляру пригоняют верблюдов, закупленных по всему Мангышлакскому полуострову, вследствие распоряжения Скобелева, еще до начала похода.

Самая главная задача заключалась в том, чтобы как можно скорее и как возможно больше продвинуть в глубь оазиса различного продовольствия и артиллерийских запасов. Поэтому, прежде чем стягивать войска, генерал позаботился обеспечить их всем этим.

Для перевозки грузов были сформированы верблюжьи транспорты. На каждого верблюда навьючивали от 6 до 8 пудов клади; при 6 верблюдах находился один вожак туркмен. Несколько сот, а иногда и тысяч верблюдов составляли транспорт, который поручался одному офицеру. Транспорту придавался конвой из роты или двух пехоты и казаков, смотря по количеству верблюдов.

Глава II

В окрестностях Яглы-Олума

15-го мая я был назначен начальником летучего отряда в опорный пункт Яглы-Олум. В предписании моем было сказано: «Временно командующий войсками назначил ваше высокоблагородие начальником особого летучего отряда в составе: одной сотни Таманского казачьего полка, команды Полтавского казачьего полка, двух рот 83-го Самурского полка и команды джигитов. Отряд этот к ночи 17 мая сосредоточится в Яглы-Олуме. Цель этого отряда самым деятельным образом охранять верблюжьи транспорты, направляющиеся в укрепление Чат из Чикишляра. Надлежит обратить особое внимание во время расположения на месте и следования верблюжьих транспортов, на охранение всех переправ вверх от Яглы-Олума по реке: Атреку, Кизиль-Олум, Ходжа-Олум, Домцах-Олум, Байрам-Олум и прочие. Наблюдать разъездами пространство вниз по Атреку. В случае появления неприятеля летучий отряд должен самым решительным образом действовать против него, „причем, однако (прибавлено было рукою самого Скобелева), к атаке холодным оружием прибегать только в случае небольшого превосходства в силах со стороны неприятеля или при других особенно благоприятных обстоятельствах“. Действовать же против него преимущественно огнем в пешем строю. Временно командующий войсками приказал вменить всем чинам отряда держаться в стороне от верблюжьих транспортов, в высшей степени ласково обращаться с верблюдоводами, отнюдь не позволяя себе насмешек и побоев, под личной ответственностью начальника отряда».

В это время наши запасы стягивались в укрепление Дуз-Олум, находившееся от Чикишляра в 140 верстах. От Чикишляра до Яглы-Олума было около 60 верст.

Того же дня вечером сажусь на свою вороненькую лошадку, что купил себе во Владикавказе, навьючиваю вещи на двух верблюдов и в сопровождении сотни казаков еду по безводной, песчаной пустыне в Яглы-Олум. Местечко это находится на берегу узенькой, сажени 2 или 3 шириной, речки Атрека². Эта речка течет в высоких обрывистых берегах, поросших мелким кустарником саксаула, единственного растения, встречающегося по всему оазису. Укрепление Яглы-Олум стоит на небольшой площадке, обрытой валом, где помещалось десятка два войлочных палаток, или, как здесь называется, юламейек, в которых был расположен гарнизон. Тут же поблизости стояли юламейки: телеграфная, госпитальная и ротных командиров.

Я поместился довольно удобно в просторной юламейке. Транспорты проходили как раз мимо меня. Нагруженные верблюды бесконечными вереницами тащились, вытянув шеи и пережевывая жвачку. Они привязаны один к другому за коротенькие веревочки, один конец которых продернут в переносье, другой же привязан к хвосту предыдущего животного. Длинные ноги их неслышно ступали мягкими подошвами по песчаной дороге. Маленькие уродливые головы, с коротенькими оттопыренными ушами, качались на дугообразных шеях. Вожаки туркмены, в порьжелых халатах и в высоких мохнатых шапках, мерно шагали, держа поводки в руках; некоторые же, взобравшись на горбатые спины верблюдов и покачиваясь как маятники, попевали себе заунывные бесконечные песенки, понятные только туземцам. Шаг за шагом проходили усталые верблюды, подымая за собой облака пыли.

² Надо прибавить, что до настоящей экспедиции река Атрек была мало исследована, и Скобелева уверили, что по Атреку могут ходить маленькие паровые катера, а это было весьма важно ввиду затруднительной перевозки грузов. В распоряжение начальника экспедиции было назначено несколько паровых катеров, команда матросов, при двух офицерах, и 4 картечницы. Но Атрек оказался настолько ничтожным и мелким, что катера пришлось тащить несколько десятков верст на руках, а потом обратно тащить тем же путем к Чикишляру; команду же с картечницами двинули вперед. Она горячо действовала при штурме Геок-Тепе.

– И песок-то здесь от жары сделался какой-то рыжий и верблюды рыжие, и халаты на жоках рыжие. Солнце все здесь подогнало под один цвет! – думал я, глядя на транспорты.

* * *

20-го мая получаю из Чикишляра от начальника штаба Гудимы-Левковича телеграмму. Он пишет: «Ввиду слухов о направлении неприятельской шайки из Текинского оазиса на Даш-Верды, вам следует усилить осторожность и бдительность». Я посылаю разъезды по несколько раз в день, сам езжу, но ничего не могу выследить. Через 2 или 3 дня получаю новую телеграмму от полковника Гродекова, в которой говорилось: «Не забывайте Даш-Верды». Затем вскоре получаю еще телеграмму от начальника штаба. Он писал: «Только что получено известие, что около колодцев Даш-Верды появилась шайка текинцев, под начальством самого Тыкма-Серьдаря³, численностью в 500 человек. Усильте разъезды и охраняйте транспорты». Я употребляю все силы, но неприятеля не могу заметить.

К северо-западу от Яглы-Олума, верстах в семидесяти, находятся колодцы Даш-Верды, и так как время стояло жаркое, поэтому если шайки где и были, то, конечно, около этих колодцев. Очень захотелось мне узнать и известить генерала, были ли там действительно шайки или нет. Кроме того, меня сильно заинтересовали рассказы одного из моих джигитов, состоявших при мне, о старинных развалинах города Даш-Верды, которые находились как раз у колодцев. Я решил туда съездить.

Накануне приказываю изготовиться взводу казаков при офицере, и с утра, еще до восхода солнца, запасшись баклагами с водой, направляемся к колодцам. Казаки мои несколько раз ездили с джигитами в эту сторону, поэтому знали путь. Кругом местность совершенно ровная. Куда ни взглянешь – везде дорога, везде песок. Кое-где, изредка, торчит побуревший от солнца кустик саксаула. Иногда, вследствие миража, такие кустики кажутся нам деревьями, а где таких кустов много, то тенистыми густыми садами. Легкие джераны тоже виднелись кое-где вдали, но, по мере нашего приближения, они подымали мордочки, настораживали уши и, как птицы, летели по степи, мелькая своими белыми брюшками. Впоследствии я очень много видел джеранов; в особенности можно было хорошо подглядеть целые стада их, когда они утром и вечером направлялись к Ат-реку на водопой. Ростом и складом джеран похож на нашу козочку, шерсть у него коротенькая, спина и ножки рыженькие, брюшко же, как я уже сказал, беленькое. Случалось, джигиты, сопровождавшие меня в моих поездках, на прекрасных туркменских конях, завидя джеранов, пробовали гоняться за ними. Но где же! Хоть туркменский конь и быстро скачет, а джеран от него точно клубочек катится, точно его ветром относит, дальше и дальше, и наконец теряется из виду в безграничной безводной степи.

Около полудня мы немного отдохнули и затем поехали дальше тем же скорым шагом. Вода у нас уже вся вышла. Часов в пять вечера мы поднялись на небольшой холмик и отсюда увидели колодцы. Местность дальше шла столь замечательно ровная, что я нарочно слезаю с лошади, прикладываю голову к земле и старательно гляжу кругом, не увижу ли хотя бы малейшей шероховатости. Ничто не мешает глазу: на много верст вперед ни камешка, ни кустика, нигде никакой травинки. Точно громадное гумно или ток, мастерски вымазанный глиной и посыпанный мельчайшим белым песочком. Я никак не подозревал, что на земном шаре могли быть такие обширные ровные пространства. Никакой Царицын луг, никакой плац не могут сравняться по гладкости с здешним природным плацом. Почва же настоль твердая, что за нами и следов не оставалось.

Мы подъезжаем ближе к колодцам и в недоумении останавливаемся: у колодцев, видим, стоит несколько больших партий конных текинцев. Все они на конях, в черных мохнатых шап-

³ Главный предводитель текинцев.

ках, в халатах; у некоторых значки в руках. Я протираю хорошенько стекла бинокля, смотрю еще раз, – нет, не ошибся, в самом деле текинцы. Несколько военачальников скачут вдоль фронта, останавливаются, что-то машут значками и, по-видимому, готовятся напасть на нас.

Выезжая из Яглы-Олума, я никак не надеялся столкнуться с неприятелем, так как их следов казаки нигде в окрестностях не встречали. Поехал я просто потому, что соскучился сидеть на месте, да к тому же захотелось хвастнуть перед генералом, что, вот-де, съездил со взводом в Даш-Верды. Да и на развалины-то мне захотелось взглянуть. Теперь же, когда я увидел перед собою такую массу неприятеля, мне стало страшновато. Ну что, думаю, если текинцы на нас бросятся, – изрубят! Если даже и не изрубят, а захватят кого-нибудь в плен, то это, кажется, будет еще хуже. Что я тогда отвечу Скобелеву? Зачем, скажет, поехали вы так далеко? Я, уже и без того потный, при этих страшных мыслях потею еще более.

– Стой, командую казакам. Слезай, к бою готовься!

– Все равно, думаю, воды у нас нет, назад ехать 60 верст невозможно. Мы должны пробиться к колодцам во что бы ни стало.

Тихонько ведя лошадей в поводу, подвигаемся все ближе и ближе. Казаки уже вынули винтовки из чехлов и зарядили. Вдруг один из них кричит мне:

– Ваше высокоблагородие, чей же это казак на горе стоит?

– Где на горе? – спрашиваю его.

– А вон, что возле колодцев, – и тычет плетью.

Смотрю, действительно, на вершинке небольшой горы, саженой сто вправо от колодцев, стоит наш казак, с ружьем за плечами, и, очевидно, смотрит в нашу сторону. Что же это значит? – думаю. Смотрю еще раз, и оказывается, что все это был – мираж! Толпы текинцев стали рассеиваться как туман, и через несколько минут пропали. Возле колодцев, видим, стоит такое же крепление, как и в Яглы-Олуме. В нем разместились рота солдат, только что прибывшая из Чикишляра. Военачальники, скакавшие кругом, были не кто другой, как джигиты, находившиеся при роте. Они в свою очередь приняли нас за текинцев и такую подняли тревогу, что командир роты, капитан Подвысоцкий, сказывал мне потом, что он чуть-чуть было не приказал открыть по нам огонь.

Напившись чаю у гостеприимного капитана Подвысоцкого, я предложил ему съездить со мной взглянуть на развалины. Запрягли ротную телегу тройкой, и в сопровождении четырех джигитов мы поехали. Развалины находились верстах в четырех к западу от колодцев. Они представляли четверугольник версты полторы длины, с версту ширины, окопанный широким безводным рвом. В старину по этому рву, вероятно, откуда-нибудь протекала вода. Внутренность четверугольника сплошь покрыта кирпичными развалинами. Кирпич, как я заметил, маленький, тоненький и очень-крепкий. Посреди развалин возвышается как бы триумфальная арка, украшенная разноцветною глазурью. Снизу она пообвалилась, но верх остался цел, и синяя превосходная глазурь, с золочеными узорами, еще до сих пор ярко блестит на солнце, точно сейчас наклепленная. Замечательно, как в старину красиво и прочно работали! Не у кого мне было хорошенько расспросить, когда и кем город Даш-Верды был построен, долго ли он существовал и что за причина его разрушения. Некоторые остатки зданий есть здесь очень большие. Все они поросли травой. Изобилие зелени доказывало, что где-то поблизости должна находиться вода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.